

*Вестник Ивановского государственного университета.*

*Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 150—157.*

*Ivanovo State University. Series: Humanities. 2025. Iss. 1. P. 150—157.*

Научная статья

УДК 130.2

DOI: 10.46726/И.2025.1.18

## **НЕАКАДЕМИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ЛИЧНОСТНО-ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ (XX ВЕК). Часть 1**

**Роман Владимирович Шорин**

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, romanshorin@mail.ru

**Аннотация.** В статье предпринимается попытка выявить специфику неакадемической философии через обращение к пятерке философов неакадемического направления XX века. Автор предлагает соответствующую типологию — концептуальные вариации неакадемической философии, определенные на основе личностно-персоналистического подхода. Показано, что именно такая методология способствует лучшему пониманию роли и значению неакадемической философии в целом как социокультурного феномена. Пять персоналий — Людвиг Витгенштейн, Альбер Камю, Мартин Хайдеггер, Николай Бердяев и Мераб Мамардашвили — рассматриваются как воплощения пяти характерных типов или типажей неакадемического философствования — философ-нонконформист, философ-бунтарь, философ-отшельник, философ-изгнанник и философ-артист (оратор, учитель). Заявлено, что неакадемическая философия не исчерпывается данным типами-типажами, однако их исследование позволяет выявить специфику рассматриваемого феномена в целом, а также обосновать само его наличие в социальном и культурном пространствах. Подчеркивается, что разделение философии на академическую и неакадемическую не носит абсолютного характера. Автор делает вывод об актуальности и востребованности более глубокого изучения неакадемической философии как значимого социокультурного феномена. Зафиксировано, что этот феномен оказывает существенное влияние на общество и общественную мысль, занимая свою незаменимую нишу.

**Ключевые слова:** философия, неакадемическая философия, академическая философия, социокультурный феномен, типологизация, репрезентация

**Для цитирования:** Шорин Р.В. Неакадемическая философия: личностно-персоналистическая репрезентация (XX век). Часть 1 // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 150—157.

**Введение.** Философия — самостоятельная форма сознания, в основе которой лежит интерес к так называемым «вечным вопросам», обусловленный самой природой человека как мыслящего существа. Поэтому было бы не философски ограничивать ее академическими, профессиональными или им подобными рамками. Другими словами, научная честность требует допущения как возможности, так и наличия неакадемической философии.

В самом именовании «неакадемическая философия» заложено отрицание или отталкивание, указание на своего рода несамодостаточность. Как представляется, это проявление своего рода «ошибки выжившего». Ведь неакадемическая философия появилась раньше академической и лежит в ее

основе, а также окружает ее как своего рода фон или среда, представляет собой источник идей и теорий, новых дискурсов и нарративов. Как уже отмечалось, началась она с интереса к тем самым «вечным» или «проклятым» вопросам, которыми люди задавались из личного, частного интереса, то есть пытались осмыслить свое существование или бытие, а также бытие мира, бытие целого, прежде всего, для самих себя. Карл Ясперс писал, что философия обращается к каждому человеку. Самые абстрактные пути философии оправданы лишь тогда, когда они выходят к конкретному человеческому бытию. «В философствовании происходит отбрасывание человека к самому себе» [Ясперс: 501].

Важно подчеркнуть, что между академическим и неакадемическим жанром не пролегает пропасти. Имеются резонные основания говорить о во многом условном характере данного разделения. И даже о взаимопротекании академической и неакадемической философии одной в другую. Скажем, Жан-Поль Сартр, написав роман «Тошнота» для неакадемической аудитории, далее пишет объемный труд «Бытие и ничто», которое уже навряд ли осилит читатель его прозы. Или возьмем кейс Людвиг Витгенштейна, во многом уникальный, когда его неакадемический труд «Логико-философский трактат» был в дальнейшем зачтен в качестве диссертации с последующим присвоением научной степени. Кстати, обратим внимание, что он назвал сочинение вполне по-академически, а именно трактатом, тем самым отдавая дань академической традиции (вспомним и про то, что путь к признанию открыл для Витгенштейна более чем академический философ Бертран Рассел). Не будет лишним упомянуть и Мартина Хайдеггера, который, преподавая в университете, создал свой собственный философский язык и писал на нем тексты, крайне далекие от академизма в его привычном представлении.

В пользу условности или не-жесткости разграничения на академическую и неакадемическую философию укажем также на то обстоятельство, что работа академического философа не исключает публицистической активности, появления в СМИ, участия в дискуссиях на неформальных площадках, ведения блогов, а также создания текстов, которые могут быть ближе, скажем, к литературе, нежели к философии. Верно и обратное: неакадемический философ может быть приглашенным лектором, читать спецкурсы, участвовать в дискуссиях, организованных философскими институциями, имеющими статус официальных.

В то же время нельзя не отметить, что представители академической и неакадемической философии зачастую оценивают друг друга уничижительно. Это свидетельствует о своего рода конкуренции между академической и неакадемической философией. Однако данное обстоятельство не мешает говорить об их бытии в качестве «сообщающихся сосудов». Причем «вещества» в каждом из этих сосудов неоднородны, а потому, вступая между собой в реакцию, они дают синергетический эффект, обеспечивающий если не прогресс, то продолжение философии как таковой.

Американский писатель и философ Рейчел Анна Уильямс написала в 2021 году эссе *Why I Left Academic Philosophy* («Почему я покинула академическую философию»). «Философы часто делают все возможное, чтобы сделать свои работы максимально скучными и трудными для чтения», — полагает она и отмечает, что это делается для того, чтобы текст казался «строгим» и «научно-образным», при этом указанная «строгость» создает затруднение для понимания философа широким читателем. «Плотный жаргон и технические детали делают существенную часть современной философии утомительной для обычного человека» [Williams].

При этом Уильямс делает оговорку, что академическая философия тем не менее является формой благородного служения человечеству: «Научить молодых людей критически мыслить, тщательно и разумно анализировать окружающий мир — это фантастика». И все же основной пафос текста автора состоит в том, что необязательно иметь степень, чтобы задаваться «большими» (философскими) вопросами. Иными словами, неакадемический формат философского высказывания не только возможен, но и в известном смысле оправдан.

**Пять персон — пять типов или воплощений.** Предпримем попытку выявить специфичность неакадемической философии через репрезентацию пяти философов неакадемического направления XX века. Это позволит обозначить концептуальные вариации неакадемической философии, сделать шаг в направлении ее типологизации. Кроме того, опыт личностно-персоналистического осмысления будет способствовать лучшему пониманию роли и значению неакадемической философии в целом как социокультурного феномена.

**Людвиг Витгенштейн. Философ-неконформист.** Свой основной труд — «Логико-философский трактат» — Людвиг Витгенштейн (1889—1951) написал, находясь на фронтах Первой мировой войны в качестве офицера австро-венгерской армии, а затем в лагере для военнопленных. «Трактат» стал впоследствии одним из самых значительных произведений философии XX века. Отметим, что Витгенштейн не имел философского образования и зачастую даже бравировал своим незнанием философских классиков.

«Логико-философский трактат» представляет собой сборник афоризмов, подчас весьма коротких, при этом структурированных под формат научно-логических правил. В качестве примера: «Мистично не то, как есть мир, но то, что он вообще есть» [Витгенштейн: 216]; «Решение проблемы жизни заключается в исчезновении этой проблемы» [Там же: 217]; «Смысл мира должен лежать за его пределами» [Там же: 213]. Иногда эти тезисы раскрываются (впрочем, зачастую их раскрытие делает их еще более многозначными), иногда — нет. Также их можно назвать максимами, то есть кратко выраженными правилами или принципами, за которыми стоит личная убежденность. Как известно, Витгенштейн ни много ни мало полагал, что в своем «Трактате» он дал решение всех философских проблем.

Написав свой главный труд, Витгенштейн отошел от философской деятельности почти на десять лет (в полном согласии с тем, что, как полагал мыслитель, все философские вопросы он уже разрешил). С 1920 по 1926 год он работал учителем в сельской начальной школе, затем садовником при монастыре, а также архитектором. Однако полностью порвать с философией ему не удалось. По-видимому, в том числе и потому, что в вопросах, которые она поднимает, невозможно поставить точку.

Уникальным случаем в истории философии стало представление «Трактата» (очевидной неакадемической работы) в качестве диссертации для присвоения научной степени. Работа была рассмотрена в 1929 году. Экзаменаторами были Бертран Рассел и Джордж Эдвард Мур. Как сообщается, в конце защиты Витгенштейн похлопал обоих экспертов по плечу и сказал: «Не волнуйтесь, я знаю, что вы никогда не поймете, о чем я пишу» [Monk].

Приведем еще один факт, связанный с защитой диссертации и довольно ярко характеризующий неконформизм философа. Когда первоначально «Логико-философский трактат» отказались зачитать в качестве диссертационного исследования, в частности, из-за отсутствия списка использованной литературы, Витгенштейн написал Муру яростное письмо: «Если я не могу рассчитывать,

чтобы для меня сделали исключение даже в таких идиотских деталях, то я вообще могу отправляться прямо к дьяволу; если же я вправе рассчитывать на это, а вы этого не сделали, то — ради Бога — можете сами отправляться к нему» [Голдштейн].

После защиты Витгенштейн переехал в Кембридж, где начал преподавательскую деятельность. Во время Второй мировой войны он прервал преподавание и работал санитаром в госпитале. За несколько лет до смерти он подал в отставку и покинул университет. «Мысль о философии как профессии была невыносима для него» [Малкольм: 65].

Как и следовало ожидать, лекции философа были далеки от академизма. По крайней мере в его привычном представлении. «Обычно он проводил занятия в своей комнате... Он не пользовался никакими записями или заметками. Он думал перед аудиторией. Создавалось впечатление огромной концентрации мысли» [Там же: 23]. «Вряд ли можно назвать эти занятия “лекциями”», — соглашается их слушатель Н. Малкольм [Там же: 34].

Вторым ключевым трудом философа, изданным уже после его смерти, стали «Философские исследования». Произведение не имеет определенной структуры и состоит из коротких пронумерованных заметок. Как пишет сам Витгенштейн в предисловии, «иногда они образуют относительно длинные цепи рассуждений об одном и том же предмете, иногда же их содержание быстро меняется, перескакивая от одной области к другой» [Витгенштейн: 17]. В свойственной ему парадоксальной манере философ продолжает: «Не исключено, что этой работе выпадет жребий в наши скудные и темные времена пролить свет в чье-либо сознание, — но, конечно, это маловероятно... Я был бы рад опубликовать хорошую книгу. Эта таковой не является, и время, когда ее можно было бы улучшить, прошло» [Там же: 19].

В «Философских исследованиях» Витгенштейн, в частности, в весьма вызывающей манере утверждает, что философские проблемы возникли вследствие неправильного использования языка — своего рода языковых игр, и, если эти ошибки устранить, философские проблемы отпадут сами собой. «Человек, запутавшийся в философской проблеме, подобен человеку, который хочет выбраться из комнаты, но не знает как. Он пробует через окно, но оно слишком высоко. Пробует через камин, но он слишком узок. Но если бы только он повернулся вокруг, он увидел бы дверь, которая все время была открыта» [Там же: 55]. Витгенштейн обратил внимание на следующее: основной корпус повседневного языка составляют не сообщения о том, что нечто имеет место, а просьбы, пожелания, вопросы, восклицания, приказы и т. д. Эти языковые ситуации и связанный с ними контекст он и назвал языковыми играми.

Исследователи отмечают двойственность Витгенштейна как философа. С одной стороны, это аналитик, логик и рационалист, с другой — мистик, пророк и проповедник [Руднев: 333]. Это хорошо иллюстрируется словами самого автора по поводу его «Логико-философского трактата». В письме Л. фон Фикеру он сообщает, что произведение состоит из двух частей, «первая из которых написана, а вторая не написана, и при этом вторая является наиболее важной» [Там же]. Подразумевается, что вторая часть относится к сфере этического, где важнее молчание и поступок. Как отмечает В. П. Руднев, стремление Витгенштейна «во что бы то ни стало жить в соответствии со своими философскими взглядами — в этом источник его правдивости, а также невероятной тяжести для окружающих и для него самого» [Там же: 334]. Он приводит историю, когда Витгенштейну сообщили о философе, который отказался защищать

диссертацию, поскольку понял, что в ней нет ничего оригинального и нового. В ответ он заметил, что за одно это можно присудить докторскую степень [Там же: 336].

С учетом изложенного можно говорить о своего рода антиакадемизме Витгенштейна, что, однако, не помешало ему стать ключевой фигурой философии XX века. Впрочем, противоречие здесь кажущееся: поскольку его парадоксальность и постоянный вызов резонирует с тем началом, откуда вообще происходит философия и философствование. Витгенштейн сумел, не преследуя этой цели сознательно, не просто влиться в академический философский процесс, но и существенным образом повлиять на него, оставаясь при этом самим собой.

**Альбер Камю. Философ-бунтарь.** Мы знаем многих писателей, в творчестве которых заключалась своя, вполне самостоятельная и цельная философия. Однако писатели, которые, помимо художественных произведений, создавали и чисто философские работы, стоят особняком. Среди них видное место занимает писатель-философ или философ-писатель Альбер Камю (1913—1960).

Между художественными произведениями Альбера Камю и его философскими текстами, безусловно, имеется самая непосредственная связь. Однако есть и различие: нива философии предполагает уход от сюжетной конкретики к уровню абстракций и обобщений. Это совершенно иной вид творческой и интеллектуальной работы. Стоит признать, что в творчестве Камю эти две ипостаси совместились вполне удачно, поэтому данный автор является характерным представителем неакадемической философии, а по совместительству литератором, сочинителем прозы.

В молодости Камю прошел курс лекций по философии и истории философии, этике и социологии, психологии и классической литературе в Алжирском университете. Через несколько лет, в 1936 году, он написал диссертацию, посвященную христианской метафизике. Работа была выполнена в академическом стиле. Впрочем, уже после смерти Камю было установлено, что в диссертации содержались скопированные из нескольких источников тексты без ссылок на оригиналы. Не исключено, что данная работа была для писателя формальностью, а философия стала объектом его искреннего интереса несколько позднее.

В 1940 году он закончил повесть «Посторонний», а в 1941 году написал «Миф о Сизифе». В 1944 году он написал роман «Чума», а в 1951 году в анархистском журнале «Либертер» выходит его философский текст «Бунтующий человек». Как видим, философские работы рождались вслед за художественными произведениями, как будто вбирая в себе идеи, которые появлялись во время работы над прозой. Стоит заметить, что в своих художественных произведениях автор сумел избежать господства философской схемы над сюжетом и драматургией. В 1957 году Камю присуждена Нобелевская премия по литературе «за огромный вклад в литературу, высветивший значение человеческой совести».

Как отмечает А.М. Руткевич, Камю неоднократно подчеркивал, что не считает себя философом [Руткевич: 5]. Это, однако, не помешало ему получить признание в качестве одного из выдающихся мыслителей XX века. В том числе и в академической среде, изучающей философию Камю уже на протяжении десятилетий.

Отметим, что само позиционирование себя в качестве «нефилософа» является характерным для мыслителей неакадемического направления. Что стоит за таким позиционированием, особенно с учетом того, что автор создал целый ряд чисто философских произведений? Как представляется, это своего рода уловка, с помощью которой мыслитель пытается, с одной стороны, размежеваться с академической традицией, с другой — оградить себя от

обвинений в неточности определений, нестройности понятийного аппарата, чтобы не размениваться на уточнения и оправдания, сосредоточившись на изложении тех идей и мыслей, которые его по-настоящему волнуют.

В своей нобелевской речи Камю утверждал, что «истина загадочна, она вечно ускользает от постижения, ее необходимо завоевывать вновь и вновь» [Камю: 361]. «Заслуживающий уважения философ должен служить примером», — провозглашает Камю уже на первых страницах «Мифа о Сизифе» [Там же: 24]. Кроме того, по мнению Камю, «всякий философ, даже Кант, является творцом», поскольку философским мышлением создается или пересоздается, воссоздается мир [Там же: 78]. Отметим, что перед нами весьма характерные и типические для неакадемической философии высказывания. Понимание философии как творчества входит в известное противоречие с представлением о философии как о чисто научной работе, хотя данное противоречие и не носит критического характера: даже гениев точных наук уже привычно называют творцами.

В лице Камю неакадемическая философия предстает как философия бунта или бунтующего человека. Разумеется, раз мы имеем дело с философом, этот бунт не может не носить метафизический характер. «Метафизический бунт — это восстание человека против своего удела и против всего мироздания». Метафизический бунтарь чувствует себя обделенным не сильными мирами сего, не обстоятельствами конкретной жизни, не «кознями отдельной судьбы», «он обделен и обманут самим мирозданием» [Там же: 135]. Причем главным образом его не устраивает не что иное, как разрозненность бытия, он требует его единства, космоса или, выражаясь чуть иначе, бытийной ясности [Там же]. Камю понимает бунт не как отрицание, но прежде всего как бросание вызова [Там же: 136]. Бунт против бытийного или экзистенциального удела человека каждый раз заканчивается неудачей, но попытки следует продолжать вновь и вновь, равно как и работу Сизифа.

Заметим, что с точки зрения стабильной, устоявшейся социальной системы, бунтарь выступает маргиналом, отщепенцем, тем, кто не вписался в налаженный «порядок вещей». В известном смысле таково самоощущение неакадемической философии *per se* — она воспринимает себя как находящуюся *ad marginem*. Такое самоощущение может порождать стремление добиваться признания и самоутверждения через громкие, подчас крайне заостренные заявления. Или через ту самую бунтарскую позицию, уже заняв которую, мыслитель, как мы видим в случае с Камю, может сделать оговорку, что бунт — это в действительности «парадоксальное стремление к порядку» [Там же]. Увы, это мало что меняет: имидж ниспровергателя основ легче завоевать, чем переформатировать.

П. А. Горохов отмечает, что у Камю экзистенциализм выразил себя через те формы, «которыми пользуется литература и так называемая житейская мудрость, выражаемая афоризмами» [Горохов: 5]. Он продолжает: будучи несистематическим, дискретным выражением каких-то истин, афористика широко распространилась среди интеллектуалов именно вследствие того обстоятельства, что «образованной публике наскучило философское системосозидание» [Там же: 6]. По мнению автора, рационализирование и системосозидание, будучи какое-то время популярным, далее (после Гегеля) породило усталость. На этом фоне экзистенциализм стал своего рода оживляющей струей. Неслучайно философия данного направления во многом носила именно неакадемический характер. Бунтарство, новаторство, бескомпромиссность, радикализм и

личностная окрашенность философии — одна из концептуальных линий неакадемической философии как таковой, и далеко не один Камю относится к этой линии.

### Список литературы / References

- Витгенштейн Л. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. 440 с.  
(Wittgenstein L. Selected Works, Moscow, 2005. — In Russ.)
- Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ, 2018, 352 с.  
(Wittgenstein L. Philosophical studies, Moscow, 2005. — In Russ.)
- Голдстейн Л. Экзамен Витгенштейна на степень Ph.D. 1974. URL: <https://goo.su/8RBp2iA> (дата обращения: 23.12.2024).  
(Goldstein L. Wittgenstein's Ph.D. exam. 1974. — In Russ.)
- Горохов П.А. Некоторые мысли о философии Альбера Камю // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 7. С. 4—9.  
(Gorokhov P.A. Some thoughts on the philosophy of Albert Camus, *Bulletin of the Orenburg State University*, 2013, no. 7. pp. 4—9. — In Russ.)
- Камю А. Бунтующий человек // Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990, 415 с.  
(Kamus A. The Rebel Man, *Kamus A. The Rebel man*, Moscow, 1990, 415 p. — In Russ.)
- Малкольм Н. Людвиг Витгенштейн: воспоминания // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М.: Прогресс, Культура, 1993. С. 31—96.  
(Malcolm N. Ludwig Wittgenstein: Memories. *Ludwig Wittgenstein: The Man and the Thinker*, Moscow, 1993, pp. 31—96. — In Russ.)
- Руднев В.П. Витгенштейн как личность // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М.: Прогресс, Культура, 1993. С. 332—349.  
(Rudnev V.P. Wittgenstein as a person. *Ludwig Wittgenstein: The Man and the Thinker*, Moscow, 1993, pp. 332—349. — In Russ.)
- Руткевич А.М. Философия А. Камю // Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. С. 5—22.  
(Rutkevich A.M. Philosophy of A. Camus, *Kamus A. The Rebel Man*, Moscow, 1990, pp. 5—22. — In Russ.)
- Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.  
(Jaspers K. The meaning and purpose of history, Moscow, 1991, 527 p. — In Russ.)
- Monk R. Ludwig Wittgenstein: The Duty of Genius. URL: <https://goo.su/njzIVY> (accessed: 23.12.2024).
- Williams R.A. Why I Left Academic Philosophy. URL: <https://goo.su/aWgIR> (accessed: 23.12.2024).

## NON-ACADEMIC PHILOSOPHY: PERSONALISTIC REPRESENTATION (XX CENTURY). Part 1

**Roman V. Shorin**

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, romanshorin@mail.ru

**Abstract.** The article attempts to identify the specificity of non-academic philosophy through the representation of five philosophers of the non-academic trend of the 20th century. At the same time, the goal is to identify conceptual variations of non-academic philosophy, to take a step towards its typology. In addition, the experience of personal or personalistic comprehension, according to the author, contributes to a better understanding of the role and significance of non-academic philosophy as a whole as a socio-cultural phenomenon. The five individuals under consideration (Ludwig Wittgenstein, Albert Camus, Martin Heidegger, Nikolai Berdiaev and Merab Mamardashvili) are defined as the embodiments of five characteristic types of non-academic philosophizing – a nonconformist philosopher, a rebel philosopher, a hermit philosopher, an exiled philosopher and a philosopher-artist (orator, teacher). Of course,

non-academic philosophy is not limited to these types, but their consideration allows us to generally identify the specifics of the phenomenon under consideration and substantiate its very presence in social and cultural spaces, as well as its significant influence on social and cultural processes. At the same time, it is emphasized that the division of philosophy into academic and non-academic is not absolute. In addition, the author concludes that a more in-depth study of non-academic philosophy as a significant socio-cultural phenomenon, which has not received enough scientific attention so far, is relevant and in demand.

**Keywords:** philosophy, non-academic philosophy, academic philosophy, socio-cultural phenomenon, typologization, representation

**For citation:** Shorin R.V. Non-academic philosophy: personalistic representation (XX century). Part 1, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 1, pp. 150—157.

*Статья поступила в редакцию 24.12.2024; одобрена после рецензирования 27.01.2025; принята к публикации 02.02.2025.*

*The article was submitted 24.12.2024; approved after reviewing 27.01.2025; accepted for publication 02.02.2025.*

**Информация об авторе / Information about the author**

**Шорин Роман Владимирович** — аспирант кафедры философии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, romanshorin@mail.ru

**Shorin Roman Vladimirovich** — postgraduate student of the Philosophy Department, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, romanshorin@mail.ru